

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

А.Е. Парамонова
Витебск, ВГУ

Интерпретация – это сложный процесс познания и освоения человеком окружающего его мира, сущность которого раскрывает значение составляющих его морфем: *lat. inter* – ‘между’, *pretatio* – ‘идти впереди’. Префикс «*inter*» указывает на пространство и состояние «без смысла», сферу между предметом и сознанием человека, которую необходимо осмыслить и, по возможности, освоить [1, 20] Вторая часть понятия «*pretatio*» предполагает, что интерпретатор выступает в качестве первооткрывателя, посредника, переводчика и комментатора, показывающего другим нечто такое, что еще не включено в их духовный мир.

В древнегреческой культуре эквивалентом термина «*интерпретация*» стал термин «*герменевтика*», производный от имени древнегреческого бога *Гермеса* – признанного переводчика, посредника между богами и людьми, бога красноречия, проводника во всех созданных Зевсом мирах, в том числе в лабиринте снов, а также хитрого бога воров и обманщиков.

В русском языке понятие «интерпретация» звучит как «*истолкование*», где корень – слово «*толк*» (‘*смысл*’), а приставка «*ис*» указывает на то, что смысл того, что подвергается толкованию, уже известен, но его необходимо обрести.

Из всего этого списка значений ясно, что *интерпретация* – это диалог (от древнегреч. «*dialogos*», где «*dia*» – ‘между’, а не «*di(s)*» – ‘дважды’; ср.: *диспозиция*, *дистанция*), посредничество между текстом и аудиторией, умение читать и ясно излагать непонятные сообщения (сны, иноязычные тексты, темные места).

Имя – это потенциальная и актуальная сфера диалога (Богообщения, межличностного, межпоколенного, межкультурного, межклассового общения), это *то первое и то последнее*, что дано в бытии и может интерпретироваться. С него начинается понимание. А «одна из проблем современного общества состоит в том, что мы не стремимся узнать имя. Мы знаем слова и поэтому скользим по поверхности...» [1, 118].

Имена, функционирующие в конкретном ментальном пространстве, особым образом структурированы, взаимосвязаны, «переплетены», создают так называемый «*ономастический текст*» (от *lat. textus* – ‘сплетенный’), а имплицитные в синтаксически завершенное целое могут быть определены как «*текст в тексте*».

Подходя к постижению организованной совокупности единиц с позиций герменевтики, мы осуществляем две операции:

1) разбираем текст-пазл на части до того момента, когда исчезает непонятная картинка и можно сосредоточить внимание на конфигурации деталей; анализируя детали, мы извлекаем на поверхность какие-то однотипные элементы, элементы одного уровня: фонетического, графического, морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического, ритмического;

2) собираем этот пазл из кусочков, замечая массу деталей на постепенно воссоздаваемой картинке. Задача данного процесса заключается в построении онтологической *схемы*, «позволяющей увидеть и воссоздать за определенным текстом (в тексте) интересующую интерпретатора реальность» [2, 130].

Поскольку «текст складывается самим актом чтения», он – «некоторая длительность содержания, ориентированного на некоторое состояние сознания» [3, 66], инструментами для осуществления первой операции являются:

▪ скороговорки (*Czy tata czyta cytaty z Tacyty? Król Karol kupił królowej Karolinie korale koloru koralowego*);

▪ ономастические диктанты на графическое размежевание подобно звучащих имен (*Trzeciński – Czciński, Trzakon – Czakon, Trzaskalski – Czakalski – Czkałski – Trzkalski, Czerny – Trzerny, Strzepień – Szczepień, Trzpieński – Czpieński, Czynański – Trzynański – Trznański*);

▪ распознавание имен-двойников (*Grzegorz – Григорий, Hilary – Илларион, Jacek – Иаков, Jerzy – Юрий, Leszek – Алексей, Tymoteusz – Тимофей; Barbara – Варвара, Katarzyna – Екатерина, Paulina – Полина; но Ola – не Оля, а Саша, Olek – не Олег, а Саша*);

▪ побуквенная расшифровка личных имен как «эгоцентрических слов» (Ю.С. Степанов) путем составления акронимов; при этом может возникать множественность и даже конфликт интерпретаций и, по мнению Рикёра, можно говорить о *текстуальной полисемии* по аналогии с лексической (1 – Akuratna, Niezawodna, Natarczywa ‘настойчивая’, Ambitna; 2 – Apatyczna, Niezaradna ‘беспомощная’, Niezdecydowana ‘нерешительная’, Amorficzna; 3 – Aroganska ‘наглая’, Niezrównowazona, Nieznośna, Agresywna);

▪ работа со справочной литературой с последующей индексацией прецедентных (*Staćzyk – шут короля Зигмунта, Sylwester – Новый год, Śmigus-Dyngus – второй день Пасхи, когда все обливаются водой*), коннотирующих (*Gniezno ← гнездо, Kolanka ← колено, Orzelska ← орел, Tania – ‘дешевая’*), специфических имен (*Cezary / Czarek, Rafał, Wiesław, Zbigniew; Beata, Bożena, Dorota, Grażyna, Kinga, Ludwika*);

▪ транскрипционное, транслитерационное и лексическое перекодирование (*Катя → Kacia / Katia / Kasia*);

▪ экскурсии по картам и фотоэкскурсии;

▪ творческое аудирование: составление родословного древа, заполнение лакун, составление текста из отрывков, размещение в конкретном времени и пространстве (например, за столом), рисование объектов описания;

▪ так как текстом является любая информация между двумя субъектами понимания, в том числе молчание (М. Хайдеггер), то интерпретации подлежат и отсутствие имени («минус-прием»); здесь используется методика присвоения имени;

▪ сравнительно-сопоставительное изучение оригинальных и переводных текстов с параллельной каталогизацией имен;

Операция микро- и макротекстологии реализуется посредством:

▪ составления формул андрогенного и эмотивного слово- и формообразования (*Pawłowa ≠ Павлова, Julcia ≠ Юлька, Ania! ≠ Aniu!*);

▪ создания гаммы формул именования в их обусловленности культурными, социальными, психологическими и прагматическими факторами (количество, последовательность, валентность компонентов русских и польских антропоформул не совпадают);

▪ составления и редактирования текстов с определенным графическим, морфемным, морфологическим, синтаксическим, стилистическим, прагматическим заданием (писем, стихов);

▪ представления ономастических текстов в виде схем, рисунков и диаграмм.

Подводя итоги сказанному, отметим, что процесс интерпретации, постижения иноязычного ономастического текста есть явление, связанное с экзистенциальной потребностью человека «*быть повсюду дома*» [1, 21]. И достижение этой цели оправдывает отход от эпистемологических канонов интерпретации (**принципов автономности объекта, когерентности значения, актуальности значе-**

ния и адекватности понимания (Э. Бетти, П. Рикёр, О. Апель), нарушение формулы объективной интерпретации Э. Бетти «*Sensus non est inferendus, sed efferendus*» («Смысл следует не вносить, а выносить») и увлечение постмодернистской **гиперинтерпретацией** (У. Эко, Дж. Каллер, К. Брук-Роуз), для которой «текст – это всего лишь пикник, на который автор приносит слова, а читатели – смысл (Ц. Тодоров).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов, О.Д. Интерпретация как практика автопоэзиса человеческого бытия / О.Д. Агапов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2009. – 248 с.
2. Розин, В.М. Семиотические исследования / В.М. Розин. – М.: ПЕР СЭ. – СПб.: Унив. Кн., 2001. – 251 с.
3. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.М. Мамардашвили, А.М. Пятигорский; под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры»: Кошелев, 1997. – 217 с.

Исторические науки

МЕТОДЫ И ЗАКОНЫ ЛОГИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Н.А. Ермоленко
Витебск, ВГТУ

После образования Республики Беларусь перед обществом встала не простая задача – реконструировать историю Отечества во всей полноте и объективности, восстановить связь с культурой и духовными традициями.

Такой подход требовал вести изучение истории на основе понятий, категорий и законов логики.

В связи с этим историки Беларуси взяли за разработку категорийного аппарата на основе методологии и законов логики, на основе логического мышления.

Какими категориями логики пользуются сегодня преподаватели истории, обучая студентов? Об этом и пойдет речь.

Альтернатива. Понятие логики, которое обозначает выбор одного из двух или нескольких исключаящих друг друга возможностей. Альтернативы должны исключать друг друга. Альтернативный подход требует выбора. При этом согласно правилам силлогизма из двух положительных посылок нельзя сделать отрицательного вывода. Заметим, что силлогизм – это умозаключение, в котором из двух или нескольких категорических суждений получается третье суждение, которое называется выводом. Например, одни историки полагают, что Великое княжество Литовское – белорусское государство на определенном этапе, другие утверждают, что ВКЛ – литовско-белорусское государство; третьи, – исходя из сформулированных посылок – альтернатив, приходят к мнению о том, что ВКЛ – полиэтничное государство белорусов, русских, литовцев, украинцев. Третье мнение есть ничто иное, как вывод на основе требований силлогизма.